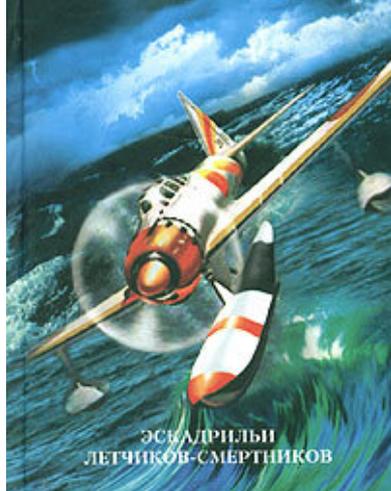

Ясуо Кувахара, Гордон Олред

КАМИКАДЗЕ

ЭСКАДРИЛЬЯ
ЛЕТЧИКОВ-СМЕРТНИКОВ

Гордон Т. Оллред
Ясуо Кувахара
Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609645
Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-1469-9

Аннотация

Эта повесть, написанная живым и образным языком, – история жизни молодого японского летчика Ясуо Кувахары. Пройдя в пятнадцать лет обучение в летной школе, где готовили камикадзе, он стал лучшим в своем подразделении. С 1944-го по 1945-й Кувахара служил в эскадрилье смертников, созданной для уничтожения кораблей военно-морских сил США, и стал свидетелем того, как его товарищи один за другим отправлялись на верную гибель. Только благодаря случайности Кувахара остался в живых.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Часть вторая	21
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кувахара Я., Оллред Г. Т Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников

Будущей дружбе Японии и Америки посвящается

Предисловие

Ему было всего двадцать шесть, когда летом 1955 года мы встретились с ним в его доме в Кобэ. Приятный, сдержанный – что, впрочем, типично для японца, – любезный молодой человек. Если бы не неопишуемая глубина его глаз, я решил бы, что он еще моложе. Только глаза – глаза, которые видели поистине фантастические вещи, делали парня старше.

С этого момента в течение десяти месяцев вплоть до самого моего отъезда из Японии я часто встречался с Ясуо Кувахарой и стал относиться к нему, как к своему другу и человеку чести. Какими бы трагичными и жестокими ни были пережитые им события, он, казалось, испытывал удовлетворение от того, что участвовал в них. Ясуо не стремился к славе. Напротив, был далек даже от мыслей о ней. Просто этот человек обладал опытом, о котором необходимо рассказать, – опытом, который мог бы улучшить взаимопонимание между людьми и нациями.

Конечно, камикадзе (божественный ветер) – самый необычный вид воинов, их было более пяти тысяч человек, которых родина превратила в живые бомбы. Японские летчики-смертники причинили самый большой урон американскому военно-морскому флоту за всю его историю.

Никто никогда не поймет чувства этих людей, заключивших сделку со смертью. Даже приговоренному к смерти преступнику не понять их до конца. Правосудие определяет преступнику меру наказания, он искупает свое злодеяние. Конечно, в каждом народе есть герои, готовые пожертвовать своей жизнью. Но где и когда встречалось такое обдуманное самоуничтожение? В какой еще стране тысячи людей столь неумолимо готовились к собственной гибели, просчитывая все детали в течение недель, иногда месяцев?

Ни идея синтоизма с ее загробной жизнью в качестве воина, охраняющего духовный мир, ни буддийская философия нирваны не предусматривали вечного утешения. Очень часто «сумасшедший японец-фанатик» представлялся нам как хнычущий школьник, запутавшийся в паутине судьбы.

Каково же оно, существование из недели в неделю, месяц за месяцем, когда жизнь раскачивается в соответствии с каждым движением минутной стрелки, когда не знаешь, в какой момент поступит приказ умереть?

Остались ли люди, выполнявшие одну из этих трагических миссий, которые могли бы рассказать о своем прошлом? Вдруг все-таки шанс есть... Да, где-то должны были жить хотя бы несколько человек, бросавших в свое время вызов смерти и неизвестности.

Именно такие размышления и заставили меня разыскать мистера Кувахару, жителя японского города Кобэ на острове Хонсю. День за днем он подробно описывал то, что ему пришлось пережить во время Второй мировой войны, и каждая наша встреча все сильнее потрясала меня, внушала безмерное уважение к рассказчику. Происшедшее с ним в течение восемнадцати месяцев пребывания в имперских ВВС казалось просто ошеломляющим. Эта жизнь, каждый ее день, я должен признать, выглядела для меня совершенно невероятной.

Трудно представить, что Ясуо Кувахара в пятнадцать лет прошел всю программу подготовки, которая была столь ужасной, что девять его товарищей покончили с собой. Еще труднее поверить, что такая программа вообще могла существовать. И кто мог бы себе представить, что этот человек, уцелевший под бомбами, в воздушных боях, в атаках, получив приказ пожертвовать собой, останется жив только лишь по ужасающему стечению обстоятельств?

Жизнь всех оставшихся камикадзе удивительна, но жизнь Кувахары уникальна.

Воспоминания летчика впервые были опубликованы в сокращенном виде как документальный очерк в издании «Кэвेलир» в 1957 году. После этого я получил массу писем от читателей, которые писали, что «изложенные в очерке события кажутся слишком невероятными, чтобы в них можно было поверить». Действительно, обычному человеку трудно понять, как столько событий могло произойти всего лишь за восемнадцать месяцев.

Должен сказать, что главной проблемой в написании как статьи, так и этой книги было сокращение текста. Прежде всего это касалось правильного отбора из огромной массы материала с тем, чтобы, с одной стороны, как можно достовернее изложить драматические события, а с другой – не вызвать у читателей отвращения.

Что же касается правдивости истории, то у меня и у мистера Кувахары есть документы, подтверждающие отдельные эпизоды. Существуют и свидетели: пилот-камикадзе Сэйхи Хирои из Осаки, лично знавший главного героя, и бывший командир 4-й эскадрильи, располагавшейся на авиабазе Хиро, Есиро Цубаки, который отдавал летчику Кувахаре последний приказ. Издатели «Кэвेलир» и «Баллантайн букс» ознакомились с этими документами.

Однако эта книга не является просто собранными фактическими данными. В ней представлено документальное свидетельство, попытка передать мысли и переживания мальчика, который в пятнадцать лет был брошен в водоворот самой чудовищной в истории человечества резни. Эта повесть может быть интересна еще и тем, что отражает позиции спутников главного героя и взгляды японцев на войну в целом.

Надеюсь, книга вызовет у читателей сочувствие. Человек, обладающий столь высоким понятием мужества и чести, заслуживает того, чтобы быть оцененным по достоинству.

Где-то в Тихом океане покоится прах нескольких тысяч пилотов-камикадзе и американцев, которых они забрали с собой... История их гибели, как это ни парадоксально, может сослужить добрую службу для людей во всем мире.

Гордон Т. Оллред

Часть первая

Пролог

На авиабазе Хиро на западе острова Хонсю наступает Новый год. 1945 год. Капитан Есиро Цубаки только что собрал особое совещание. Среди нас царит тишина. Только дождь барабанит по крыше. Капитан разрешает нам сесть, а сам остается стоять, сложив руки на груди. Его немигающие темные глаза, кажется, пронзают нас одного за другим.

После долгого молчания он высокопарно произносит:

– Время, наконец, настало. Мы стоим перед великим решением.

Капитан снова берет паузу, но я уже чувствую, что меня охватывает страх – огромный, как никогда. Смерть среди нас. Она обволакивает каждого человека, медленно движется и становится все сильнее. И слова, срывающиеся с губ нашего капитана, звучат так странно:

– Того, кто не хочет жертвовать своей жизнью, как подобает преданному сыну Японской империи, никто не будет к этому принуждать. Тот, кто не способен принять такую честь, пусть поднимет руку. Прямо сейчас!

Снова тишина и смерть становятся почти осязаемыми. Даже барабанивший дождь стихает и становится морозящим. Медленно, робко вверх поднимается рука, затем вторая и еще одна... Пять, шесть. Всего. Решение за мной. Я могу выбрать: жить или умереть. Разве не это только что сказал капитан? Но почему-то... Конечно... Да, конечно же я хочу жить! Только вот мои руки – дрожащие, они по-прежнему опущены. Я хочу поднять руку и не могу. Но я хочу! Даже моя душа жаждет этого. Я трус? Я? Я не могу этого сделать!

– Итак! – Капитан Цубаки пристально смотрит на тех, кто поддался слабости. – Хорошо точно знать, какова ситуация.

Поднявшие руки стоят перед нами.

– Вот, господа, шесть человек, – указывает капитан на посеревшие лица, – открыто признавшиеся в измене. Так как они совершенно лишены чести и силы духа, наша обязанность исправить положение. Эти люди станут первой атакующей группой нашей эскадрильи!

Вздых, так долго державшийся внутри меня, пытается вырваться наружу. Я хочу набрать в легкие побольше воздуха и с облегчением выдохнуть, но что-то сжимается во мне. Шестерых ребят из моей эскадрильи только что приговорили к смерти. Это первые живые бомбы с авиабазы Хиро.

Глава 1

Национальный чемпион по планерному спорту

Совершенно невозможно сказать, каково происхождение силы японских самоубийц в войне, которую они вели. Самой странной силы в мире, зародившейся в этой стране. Спросите у почтенного старика с развевающейся бородой, который все еще ходит по улицам в кимоно и деревянных сандалиях, поскольку он человек из прошлого. Возможно, он скажет, что таинственные силы были рождены вместе с этой страной две с половиной тысячи лет назад, с первым императором Дзимму, потомком богини солнца Аматаэрасу. А может поведавать, что их настоящее рождение произошло двадцатью веками позже, отраженное в гордом духе самураев, славных и доблестных воинов времен феодализма.

Впрочем, каким бы ни было происхождение этих сил, они сосредоточились на мне в 1943 году. Тогда мне было всего пятнадцать лет. И случилось это после того, как я выиграл национальный чемпионат по планерному спорту.

Среди своих смутных воспоминаний я могу разглядеть маленького мальчика, каждый день с завистью наблюдающего за ястребами, которые кружат над бархатными горами Хонсю. Помню, что он завидовал даже воробьям, с громким чириканьем порхавшим с крыши на крышу.

Почему-то я был уверен, что мое будущее будет связано с небом. В четырнадцать лет я ходил в среднюю школу в Ономити и был уже достаточно взрослым, чтобы посещать тренировки по планерному спорту, которые оплачивала префектура Осаки. В этих тренировках для меня было два положительных момента. Во-первых, такого шанса я ждал всю свою жизнь – шанса подняться в воздух. Во-вторых, по всему миру гремела война, и в то время, как многим ученикам приходилось проводить часть отведенного урокам времени на фабриках, мне было позволено учиться летать на планере по два часа в день. В то время все учащиеся либо работали на военном производстве, либо готовили себя для защиты родины, занимаясь дзюдо, искусством владения мечом и стрельбой. Даже младших школьников обучали защищаться заостренными бамбуковыми копьями.

Наши тренировки проходили на травяном поле и первые три месяца были совершенно неинтересными, потому что мы ни разу так и не оторвались от земли. Ребята учились просто буксировать друг друга. Одни будущие летчики таскали планеры на веревках, другие тем временем сидели в кабинах, жесточенно манипулируя закрылками на хвосте и крыльях с помощью ручного и ножного управления, делая вид, будто они взмыли на головокружительную высоту. Добрая часть нашего времени посвящалась ритмической гимнастике, но даже тогда было очевидно, что эту подготовку рассчитали так, чтобы потом нам стало интереснее. Я же не мог этого понять почти целый год.

Наконец мы начали подниматься в воздух. Сначала всего на несколько футов над землей, но как это было радостно! Постепенно и довольно быстро мы добрались до шестидесяти футов – до максимальной высоты полета планеров для начинающих. В лучшем случае какие-то тридцать секунд в воздухе, но все же это был полет.

Освоив основы управления планером для начинающих, мы перешли к аппаратам следующей ступени. Они уже могли парить в воздухе на высоте в течение нескольких минут, и буксировал их перед взлетом автомобиль. Эти планеры имели полужакрытую кабину, нечто вроде штурвала и руль в форме бабочки для дополнительного управления.

Помимо понимания основных требований механики при полетах на планере пилот должен был чувствовать потоки воздуха, автоматически оценивать их направления и интенсивность и реагировать на них рефлекторно, как ястреб над горами.

Как далеко я мог пролететь по ветру? Часто я определял это, только высунув голову из кабины. Во время снижения – перед самым разворотом, чтобы забраться на восходящие потоки, – стремительное воздушное течение было столь мощным, что сбивало дыхание. А еще могучий удар воздуха происходил перед самым взлетом, и тогда я изо всех сил вцеплялся в штурвал управления.

Как далеко лететь в одном направлении до разворота, насколько поднять закрылки, чтобы избежать потери скорости и оставаться при этом на максимальной высоте. Подобные вещи не были внесены заранее в полетную карту. Однако у меня был инстинкт птицы, и я смог пилотировать свой планер настолько успешно, что прошел отбор на национальные соревнования следующего года.

Примерно шестьсот планеристов со всех концов Японии (в основном ученики средних школ) попали на турнир у горы Икома неподалеку от Нары, и потому состязание разделили на два вида: групповые и индивидуальные. Соперники могли участвовать в обеих программах. Судьи оценивали такие показатели, как время, проведенное в воздухе, расстояние, преодоленное на определенной высоте, способность разворачиваться в пределах установленного количества футов и угол снижения.

Может быть, благодаря нашим интенсивным тренировкам, а может, так распорядилась судьба, но шесть учеников школы Ономити, что на западе острова Хонсю, выиграли групповые соревнования. И двое из наших были выбраны для индивидуальных выступлений против пятидесяти остальных участников, лучших планеристов страны. Одним из них оказался я.

Каждый должен был совершить по четыре полета. Очки, заработанные после каждой попытки, суммировались, и по общим результатам определялся победитель. К огромной моей радости, после трех первых полетов судьи выставили мне почти максимальные оценки. Победа забрезжила на горизонте!

Солнце согрело вершину горы Икома, когда на огромном поле, расположенном пятьюдесятью ярдами ниже, начался последний этап чемпионата. Я замер в кабине планера, чувствуя, как дрожит хрупкая конструкция летательного аппарата. Она состояла из изогнутой фанеры, покрытой шелком и скрепленной легкими алюминиевыми деталями. Один конец буксировочного троса был прикреплен к машине, другой к кольцу под носом планера. Расслабив руки на штурвале и вновь крепко вцепившись в него, я глубоко вздохнул. «Ты должен сделать это». Я повторял эти слова и старался отогнать противное чувство – слабость. Затем я начал постепенно собираться. Это было важнейшее испытание в моей жизни – завоевать звание лучшего пилота планера в Японской империи.

Мой летательный аппарат накренился и заскользил по траве. Через несколько секунд я уже парил над Икомой, чувствуя сильные порывы ветра у ее вершины. Поднявшись на высоту, я очень осторожно работал закрылками, управляя планером, чтобы не потерять поток воздуха под средней частью крыльев.

Аппарат стал подчиняться каждому моему движению, словно был живым существом, и я взмыл вверх при порыве ветра. В какое-то мгновение я оглянулся через плечо, увидел полоску земли, задранные вверх лица и начал разворот. Мой планер сделал три круга, поднимаясь вверх, а затем резко снижаясь. Через тридцать восемь минут после взлета я приземлился.

Судьи долго подсчитывали очки, и я с волнением ждал, когда они огласят результаты. Я знал, что справился с задачей, и у меня был шанс победить. Но все равно это казалось нереальным. Вдруг назвали мое имя.

– Кувахара Ясуо – триста сорок очков. Первое место в индивидуальном зачете!

Я почти не расслышал, кто стал вторым. Я почувствовал слабость и дрожь, потом вдруг эти ощущения пропали. Друзья хлопали меня по плечам, обнимали. Родители прорвались ко мне сквозь толпу. Я стал чемпионом Японской империи по планерному спорту.

Тогда я еще не знал, что эта победа вскоре изменит всю мою жизнь.

Глава 2

Предопределенное решение

На железнодорожной станции Ономити была большая суматоха. Меня встречали учителя, одноклассники, близкие друзья – все пришли поздравить нового чемпиона. Родители устроили в честь моей победы настоящий праздник. Однако через несколько дней мое достижение было забыто.

Тренировочные полеты на планере продолжались, но впервые за много месяцев я не заглядывал в будущее. Когда радость победы угасла, меня стало одолевать беспокойство. Жизнь вдруг потускнела.

Вечерами после тренировок я брел с друзьями домой, любясь закатом, когда солнце опускалось за горы. Сияющий шар окрашивал море, делая его похожим на расплавленную сталь. Вечер был временем особым – временем, когда надо было принять горячую ванну, надеть юката,¹ опустить раму окна и задумчиво смотреть вдаль или сидеть где-нибудь в саду и разглядывать филигранные очертания тутового дерева на фоне темнеющего неба, медленно потягивая из чашки горячий чай.

Однако с начала 1943 года такие вечера случались все реже и реже. Американцы захватили остров Гуадалканал, и у людей начали появляться первые смутные тени сомнений. Не то чтобы об этом много говорили... но страх вползал, как стелющийся туман, и солнце уже не могло рассеять его.

Мы, совсем еще мальчишки, говорили о войне с большим энтузиазмом, чем кто бы то ни было. У моего приятеля Тацуно брат служил в морской авиации. Он сбил американский самолет, и это событие на много дней стало главной темой наших обсуждений по дороге домой из школы.

Мы были еще маленькими и слабыми, но в Тацуно чувствовалась какая-то сила, когда он смотрел в небо и рассказывал про своего брата. Если в вышине пролетали самолеты, он качал головой и торжественно говорил:

– Я знаю, он станет асом и принесет славу императору.

Конечно, я всегда соглашался. Было приятно осознавать, что наши пилоты превосходили врага в мастерстве, смелости и летали на лучших машинах. Во всяком случае, в этом каждый день уверяли нас газеты и радио. Однажды вечером, когда я вернулся из школы, к нам домой пришел незнакомец. Я услышал, как он представился:

– Капитан Миками Хироёоси. Имперские военно-воздушные силы.

Через мгновение офицер разулся и переступил порог.

Мой отец был подрядчиком и одним из самых состоятельных людей Ономити.

Служанка Рэйко провела его в гостиную, обставленную в западном стиле, и побежала за моим отцом.

Ему не хотелось вылезать из теплой ванны, и он направил к гостю маму. Потом, правда, отцу все равно пришлось выполнить все формальности знакомства. Мама тем временем пошла проверить, как служанка готовила наше главное блюдо дня.

Я с волнением ждал развития событий, поскольку понимал, что этот визит был преддверием чего-то очень важного, и внимательно вслушивался, пока отец с капитаном обменивались в гостинной обычными в таких случаях любезностями, обсуждая какие-то пустяки и осторожно упоминая в беседе разные слухи.

– Зима на пороге, – заметил капитан.

¹ Юката – легкое просторное кимоно.

– Да, действительно, – ответил отец, изящно пригубив чай.

Пока они в такой манере беседовали ни о чем, пришло время подавать главное блюдо. Мама уже собиралась подавать ужин, поэтому все восприняли как само собой разумеющееся то, что капитан Миками останется.

Когда мы сидели на подушках вокруг низенького круглого стола, служанка бегала между гостиной и кухней, накрывая на стол, а моя сестра Томика следила за огнем в хибати-жаровне. Мама, приготовив и посыпав сахаром кусочки говядины, спросила:

– А где соевый соус?

Служанка с жалобными извинениями бросилась на кухню.

Время от времени я украдкой внимательно следил за капитаном Миками, всякий раз опуская глаза, когда его взгляд встречался с моим. Это был пронзительный, твердый взгляд!

Во время ужина говорили только два человека, а мы обозначали свое присутствие лишь осторожными улыбками и легкими поклонами, когда беседа касалась нас. Я испытывал сильное напряжение и видел, какими встревоженными были мама и Томика.

Папа и капитан вяло разговаривали о войне, касаясь обстановки на Иводзиме, Окинаве и других островах. Когда речь зашла о Гуадалканале, отец повторил мысль, которая крепко засела в то время в голове у японцев: отступление наших войск из этого района было просто стратегическим маневром и никоим образом не означало победу неприятеля. Капитан Миками согласился и стал обстоятельно обсуждать мужество наших солдат. Когда разговор коснулся бомбардировок родной Японии, он выразил еще одно общее мнение: наши военные всегда знали, что нас будут бомбить, и, следовательно, тут не из-за чего беспокоиться. Это было предусмотрено, когда готовилась операция в Пёрл-Харборе. Да, бомбежки неизбежны, но мы готовы к ним. Фактически мы готовы к любым трудностям, в глубине души осознавая, что наша священная империя в конце концов все равно победит.

После обеда меня попросили остаться с мужчинами в гостиной, и, наконец, наш любезный гость перестал ходить вокруг да около и приступил к делу.

Бросив на меня ястребиный взгляд, офицер повернулся к отцу и сказал:

– У вас достойный сын. Он добился редкой для своего возраста славы. Да и не только для своего возраста. Он уже становится мужчиной, которым уважаемый отец может гордиться.

Отец слегка поднял голову, пососал свою трубку, выпустил изо рта дым и пробормотал в ответ благодарность:

– Домо аригато.²

– Им может гордиться страна, – продолжал капитан. – Ваш сын может принести великую славу семье Кувахара.

Внутри у меня все задрожало. Такое же чувство я испытывал перед своим чемпионским полетом.

Тем временем капитан снова быстро заговорил:

– Наш великодушный император, наши почтенные военачальники из имперского управления в Токио, как вы знаете, ищут таких молодых людей, преданных его императорскому величеству, талантливых, любящих свою страну... людей, которые полетят на врага, как мстительные орлы.

Глаза моего отца заблестели.

– Это правда! Хорошо, что у нас есть такие люди. Пришло время ударить по врагу со всей силой. Как ветер с небес!

– Как вы, наверное, поняли, – продолжил капитан, – я представитель имперских военно-воздушных сил, присланный сюда поговорить о вашем сыне.

² Большое спасибо. (Примеч. пер.)

Вспыхнув и осторожно изобразив удивление, папа воскликнул:

– Ах, вот как?

Капитан Миками действительно говорил обо мне совсем немного. Потом я едва слышал его слова о славе военно-воздушных сил и наборе добровольцев. Я сидел улыбаясь и чувствуя, как меня бросает то в жар, то в холод. В тот момент у меня не было никаких соображений по поводу предложения капитана. Всю свою жизнь я мечтал поступить на службу в воздушные войска. Сколько часов, дней и ночей представлял я себя отважным летчиком истребителем, асом! Как часто видел себя пикирующим с золотистого неба на врага. Сколько воображаемых героических боев провели мы с Тацуно!

Но сейчас это становилось реальностью, причем так внезапно, что мозг мой не мог успокоить сердце. Во время всего ужина я ощущал волнение мамы и Томики, и сейчас холод их дурного предчувствия коснулся меня, как ледяной ветер.

Капитан обратился ко мне:

– Что скажешь ты?

Вот и все, что он спросил. Я начал отвечать, но запнулся и больше не мог выдать из себя ни слова.

– Подумай несколько минут, – разрешил офицер. – Я подожду.

Несколько минут! Мне вдруг стало дурно. Я провел ладонью по лицу, волосам и почувствовал, что они стали влажными от пота. Комната начала кружиться перед моими глазами. Слабо улыбнувшись, я пробормотал:

– Простите, пожалуйста. Я пойду попить.

Я хотел сказать, что мне не нужно было думать. Ни один настоящий мужчина в таких случаях не сомневался бы. Ни один настоящий мужчина не почувствовал бы тревоги и холода в сердце или душе. По традиции бусидо³ он заговорил бы о почетной смерти: «Я иду умирать за свою страну. Император выбрал меня – это наполняет мое сердце смирением». Но я... я был тогда больше мальчиком, чем мужчиной. Мне захотелось увидеть маму.

Я быстро помчался в ее комнату. Там никого не оказалось. Я тихо позвал. Никакого ответа. Решив, что, возможно, мама сидела на свежем воздухе в саду, я выскользнул в ночь и снова позвал. Луна отбрасывала на деревья призрачный, сияющий свет. За оградой нашего дома шла темная дорога, освещенная лишь случайными красными огоньками. Ни звука вокруг.

В окне второго этажа горел свет. Я бросился обратно в дом и побежал по крутой лестнице. Там в моей комнате сидела Томика и рассматривала мои фотографии в альбоме.

– Где мама? – спросил я.

Томика ответила не сразу.

– Она пошла... прогуляться.

Я осторожно взглянул на сестру и тут же забыл обо всех проблемах.

– В чем дело, Томика? – Я нежно коснулся ее блестящих черных волос. – Что там такое?

В альбоме была моя фотография, снятая в тот день, когда я выиграл чемпионат среди планеристов, – мое расплывшееся в гордой улыбке лицо. Крошечная слезинка упала и затуманила эту улыбку. Томика плакала.

Когда моя сестренка плакала, ее лицо становилось каким-то неземным.

– Томика, – почти прошептал я. – Что случилось? Ты не должна плакать!

Отложив альбом в сторону, я сел рядом с ней. Томика сжала мои руки и посмотрела мне в глаза. Это мгновение длилось очень долго. Мы сидели неподвижно и смотрели друг на друга, пока Томика не начала покачивать головой.

– Мой маленький брат... мой маленький братик...

³ Бусидо – кодекс чести самурая. (Примеч. пер.)

У меня ком застрял в горле. Было такое ощущение, будто кто-то сильно нажал мне пальцем на кадык.

– Томика, – еле выговорил я, – что... что я могу сделать?

Я вдруг хлопнул себя ладонями по лицу и глубоко вздохнул. Так можно было отогнать подступавшие к глазам слезы. Сестра обняла меня и прижалась ко мне щекой.

– Нет, нет, – прошептала она, – ты не просто маленький братик. Ты еще ребенок!

Последние слова сильно ударили по моему самолюбию, и я вспомнил своих друзей, особенно Тацуно. Что бы он сейчас обо мне подумал, увидев такую слезливую сцену? А еще я подумал о капитане, который с нетерпением ждал меня внизу, удивляясь, почему я так медлю. Может, он уже начинал считать меня трусом? Эти мысли нахлынули на меня в одно мгновение. Я рассердился на себя и на сестру.

– Я уже не ребенок, Томика.

Она попыталась крепче прижать меня к себе, но я отпрянул от нее. Ребенок! На какую-то секунду я возненавидел сестру.

– Я мужчина! Мне пятнадцать лет! Как ты можешь называть меня ребенком, когда я стал лучшим пилотом планера в Японии! Разве ты непонимаешь, Томика, что я удостоился чести быть выбранным самим императором?

– Да, – тихо ответила она. – Я это знаю. Ты даже умрешь за императора!

Тут мы оба заплакали.

Через несколько мгновений я вырвался из объятий сестры и бросился в ванную к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, а затем взглянул на себя в зеркало. Раскрасневшееся несчастное лицо. В ужасе я еще раз умылся холодной водой и насухо вытерся полотенцем.

Смущенный, но уверенный в себе, насколько это было возможно, я вернулся в комнату, где сидели мой отец и капитан, улыбнулся и поклонился, лихорадочно пытаюсь понять, заметили ли они проявление моей слабости. Оба молча посмотрели на меня. На секунду я заколебался, и капитан приподнял бровь.

Я отчаянно боролся с собой, словно стоял на краю пропасти, окруженный врагами, и понимал, что выбор невелик – либо прыгнуть в бездну самому, либо меня сейчас туда толкнут.

Толкнул меня мой отец:

– Ну что, сын?

Поклонившись капитану, я с трудом выговорил:

– Это для меня огромная честь, господин. Я с гордостью и уважением к нашему императору приму ваше великодушное предложение.

– Хорошо, – просто ответил наш гость, достал бланки, которые заполняли добровольцы, и протянул нам, чтобы мы их прочитали. Слова расплывались у меня перед глазами, и я даже не понимал их смысла.

– Кувахара-сан, – обратился капитан к моему отцу, – будьте любезны, распишитесь здесь. А ваш сын распишется вот тут.

– Пусть будет так, – пробормотал в ответ папа и стал внимательно читать документы, затем указал тонким загорелым пальцем на один из них и процедил сквозь зубы: – Авиационная база Хиро?

– Да. – Капитан Миками улыбнулся, и оба посмотрели на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

Да, я был доволен. И вообще я вдруг почувствовал себя гораздо лучше. Хиро находилась меньше чем в пятидесяти милях от нашего города.

Отец встал, взял свою особенную факсимильную деревянную печать, прижал ее к чернильной подушечке, а потом к документу. Вот и все. Несмыываемый оранжевый овал с над-

писью «Кувахара» навсегда остался на бумаге. Затем я тоже подписал документ, и все формальности были соблюдены.

Капитан Миками собрался уходить, и мы проводили его до двери.

– Ты принял мудрое решение, – заявил он мне.

Мы поклонились друг другу, попрощались, и гость медленно исчез в ночи.

Когда он ушел, моя служба в ВВС стала почему-то казаться менее реальной. До отъезда оставалось целых три месяца... Огромный срок. Мы с отцом еще немного поговорили. Когда-то он дослужился в армии до лейтенанта и сейчас стал вспоминать свой славный военный опыт.

Один из моих братьев, Сигэру, служил в контрразведке на острове Ява, а другой, Тосифуми, работал дантистом в Токио. Его еще не призывали в армию.

– Хорошо иметь достойных сыновей, которые защищают родину и свою семью, – сказал папа. – А ты, Ясуо, добьешься величайшей славы.

Мы сидели у окна и смотрели в небо. Рука отца легла на мое плечо. В вышине, мигая красными и зелеными огоньками, пролетел транспортный самолет. Из-за чередования цветов казалось, что двигался он не очень ровно. Мы наблюдали за ним и прислушивались к затихающему гулу двигателей, пока он не растаял вдали.

– Может, через несколько месяцев ты уже будешь летать на бомбардировщике «суйсэй».

– Больше всего мне хотелось бы стать летчиком-истребителем, – ответил я.

– Ага! Так я и думал! Да... да, это было бы здорово, – согласился папа. – Так было бы лучше всего. Есть что-то особенное в летчике-истребителе. Он настоящий самурай. Самолет – это его меч. Он становится его душой. Истребитель может работать с остальными, как член команды, но и прекрасно умеет сражаться в одиночку. – Отец сделал паузу. – Да, я уверен, ты должен стать истребителем, Ясуо. Истребитель может сделать для императора больше, чем тысяча солдат. Своей смелостью он может добиться огромной славы. Может быть, даже самой большой среди всех военных. А ты, сын мой Ясуо, смелый человек. – Отец сжал мое плечо, и я почувствовал на себе его взгляд.

– Надеюсь, папа.

– Ты смелый человек, сын! – Он еще крепче сжал мое плечо. – Род Кувахара всегда был отважным. Ни у кого нет более благородных предков.

– Это так, – подтвердил я и несколько секунд смотрел на профиль отца: слегка вздернутый твердый подбородок, загибавшийся книзу нос и светящиеся глаза. Казалось, они поглощали свет неба.

– Ты защитишь свой дом и страну, увидишь день, когда вражеские силы отступят, уплывут в Тихий океан. Ты заставишь их сделать это. А может, ты станешь человеком, который покорит Америку. Сила империи нахлынет, как штормовые волны на берег.

– На это могут уйти месяцы, – неуверенно пробормотал я. – У Запада большая армия и сильный флот, много самолетов. Разве не так?

– Так, – признал отец. – Это правда. В один день победы не добьешься. Но запомни, Ясуо, материальное всегда вторично. В расчет идет только решимость духа. И учти тысячи взятых нами в плен американцев... тысячи!

Поднявшись, он тихо постучал пальцами по моему плечу и очень доверительно спросил:

– А сколько наших сдались американцам?

Как я был горд, беседуя с отцом на такие серьезные темы почти на равных!

– Очень мало.

– Какая-то горстка. Понимаешь? Американцы теряют нескольких людей и уже пугаются. Они готовы сдаться. Наши лагеря для военнопленных полны трусливыми американ-

цами. Конечно, попадают среди них и отважные люди. Глупо недооценивать противника... Но давай посмотрим на это так, Ясуо. Допустим, сотня американских пехотинцев окажется против наших превосходящих сил на маленьком острове. Сколько американцев нужно убить, чтобы остальные сдались? Сколько?

– Не больше десятка, я думаю.

Отец слегка покачал головой:

– Нет, все-таки больше десятка. Двадцать пять или тридцать. А допустим противоположную ситуацию. Сколько наших нужно положить, чтобы сдались остальные?

– Они никогда не сдадутся!

– Вот видишь? За редким исключением японцев берут в плен только серьезно ранеными или без сознания от большой потери крови. Дело тут не в физической силе и вооружении. Дело в смелости и решимости... в силе духа! Поэтому Япония обязательно победит. Ты понимаешь меня, сын?

– Да, папа.

Глава 3

Долгие зимние дни

На следующий день в школе я рассказал друзьям о той чести, которой удостоился, и снова стал важной персоной. Во время обеда у меня почти не было времени достать из коробочки суси и перекусить. Одноклассники обступили меня и стали задавать бесконечные вопросы.

– Он приехал прямо к вам домой? – спросил кто-то.

– Да, – ответил я. – Капитан пробыл у нас несколько часов и даже пообедал с нами.

Кэнжи Фуруно, один из лучших планеристов, обстреливал меня одним вопросом за другим:

– Он приехал и прямо спросил тебя? Что он делал? Он сказал, что от тебя будет требоваться?

– Конечно, он спросил меня, – ответил я. – Естественно, мы с отцом все обстоятельно обсудили.

– Ну и что капитан сказал? – настаивал Кэнжи. – Он так и спросил: «Не будешь ли ты любезен оказать честь имперским военно-воздушным силам и вступить в их ряды?»

Несколько учеников натянуто рассмеялись.

Я оставался серьезным. Кэнжи по иерархии вдруг оказался ниже меня. И остальные ученики тоже.

– Капитан Миками сказал только, что я выбран на службу его императорского величества.

– Он даже не дал тебе времени подумать? – спросил один из младших ребят. – Ни одного дня?

Почти неосознанно я посмотрел на него так, как вчера вечером посмотрел на меня капитан. Улыбка исчезла с лица паренька.

– Разве в таких случаях надо думать?

– Да... Наверное, нет. – Парень запнулся.

Тацуно ел абсолютно молча и слушал нас. И казалось, его обуревали мысли, больше свойственные взрослому человеку, чем старшекласнику.

– Не думаю, что кто-то откажется от такой чести, – произнес он. – Сомневаюсь даже, что кто-то на это осмелится. Сам я больше всего на свете хочу стать летчиком, как мой брат. В то же время, когда думаешь об этом... Ведь Ясуо уезжает. Да... и никто не знает, вернется ли он когда-нибудь.

– Это правда, – согласился я и крепко сжал губы.

Какое-то время все молчали, глядя себе под ноги или в окно. Пришло время дневного урока.

Я провел его в полузабытьи, словно каким-то образом на время покинул этот мир. Старый учитель Танака-сэнсэй, одноклассники... даже парты, книги и темные стены – все казалось другим. Я смотрел и слушал с абсолютной беспристрастностью. Где-то за окнами в белом небе летел самолет. Гул его моторов был едва различим. Временами он казался просто эхом, но по всему моему телу пробежала дрожь.

На тренировке по планерному спорту я работал с огромным старанием, выполнял каждое действие идеально. Просто я вдруг решил, что теперь никогда не допущу ни одной даже малейшей ошибки в полете на планере. Это стремление к совершенству впоследствии укрепилось еще и из-за того, что через несколько месяцев я должен был с таким же рвением приступить к обучению полетам на настоящем самолете. Я должен был стать прекрасным летчиком. Я должен был сбить тысячу вражеских машин. И должно было наступить время,

когда имя Кувахара прославилось бы на всю Японию. В день рождения императора меня должны были выбрать, чтобы показать мастерство высшего пилотажа в небе над Токио, а публика зачарованно смотрела бы на меня. Затем меня провезут над поросшим зеленой травой рвом по деревянному мосту. Я буду смотреть сверху на прудики, белоснежных лебедей и огромных апатичных карпов, а потом войду во дворец императора, где его величество лично наградит меня орденом Кинси, самым желанным знаком отличия после ордена Золотого сокола.

В тот вечер я вернулся домой в мечтах о славе. Мы шагали по грязной дороге и некоторое время молчали, с удовольствием прислушиваясь к стуку своих деревянных сандалий. В конце концов Тацуно, угадав мои мысли, заметил:

– Знаешь, Ясуо, если бы ты не был моим лучшим другом, я бы стал тебе завидовать.

После короткого раздумья я ответил:

– Тацуно-кун, я отдал бы все на свете за то, чтобы поехать вместе с тобой. – Я хлопнул его по узкому плечу. – Поверь мне, Тацуно. Все на свете отдал бы.

Мой друг обнял меня, и мы зашагали дальше.

– Знаешь, очень возможно, что ты... – Я запнулся. – Ну, я хочу сказать, что не удивлюсь, если ты скоро получишь такой же шанс.

Но Тацуно покачал головой:

– О, это вряд ли. Я сомневаюсь. Ведь подумай, кто ты! Чемпион страны!

– Это ничего не доказывает. – Я пожал плечами. – Ты сам хороший пилот. Дошел до финала. Кроме того, в армии будет не так много летчиков, если туда станут призывать по одному чемпиону в год, правда ведь?

Тацуно молчал.

– Правда? – настаивал я и начал трясти приятеля, чтобы вывести его из равновесия.

Он не отвечал, но уже начал улыбаться.

– Правда? – Резким движением я надвинул длинный козырек его школьной шапочки ему на глаза.

– Правда!

Это сработало. Тацуно рассмеялся и схватил мою шапку. Мы с хохотом побежали дальше, то и дело толкая друг друга. Наши деревянные сандалии громко стучали по брусчатой мостовой.

Потом мы попрощались, и я пошел к себе домой. Мама сидела, склонившись над книгой. Это была пугающая сцена, потому что она редко читала. Я нерешительно поздоровался с ней.

– Привет, Ясуо, – ответила мама.

– Папы еще нет?

– Нет, – быстро ответила она.

– Он на работе?

– Нет. Наверное, он вообще сегодня не придет.

Тогда я все понял. Это всегда было для нее тяжело, даже после стольких лет. Руками со вздутыми венами мама закрыла книгу и посмотрела на обложку. «Повесть о Гэндзи».

– Твоя бабушка подарила мне эту книгу, когда я была еще маленькой девочкой. И я до сих пор помню почти всю ее наизусть.

– Да, да, это хорошая книга, – сказал я, сел рядом с мамой, решив коснуться той самой тяжелой темы. – Никто и никогда не сможет занять твое место. Ты же знаешь, как папа любит тебя, правда, мам?

– Да, – ответила она, покачав головой. – Твой папа любит меня. Просто... просто я уже не так молода. Не такая, как его Кимико, Тосико и все остальные. – Мама уныло улыбну-

лась. – Было время, когда твой папа не смотрел на других женщин. Он был далеко не единственным, кто считал меня красивой.

– Ты и сейчас красивая! Ты самая красивая женщина на свете!

Слегка покраснев, мама ответила:

– Я-то думала, что Ясуо уже совсем взрослый... а он говорит такие глупости. – Она поцеловала меня в щеку. – Конечно, твой папа любит меня. Он завтра вернется. И мои дети любят меня. Это моя самая великая радость.

В такой момент больше нечего было сказать. Японский мужчина имел право заводить себе столько любовниц, сколько мог содержать. Гейши не проститутки, отец посещал одну из них регулярно. Я узнал это от моих старших братьев. Она была его женой вне дома.

Японки сильно отличаются от западных женщин. Прежде всего, они обычно оказывают большее почтение к противоположному полу. Хотя уже не с таким подобострастием, но даже в наши дни японки редко противоречат своим мужчинам. Они занимают место подчиненной стороны, признавая мужа хозяином, принимающим решения. Подчинение – одна из наиболее важных женских черт. Так думают мужчины.

Поэтому, когда мой отец уходил, мама тихо продолжала вести хозяйство. Подобное выражение ее чувств, насколько я знал, было крайне редким. Возможно, оно прорвалось от сознания, что я вскоре должен был покинуть дом. Обычно, когда отец отправлялся в «деловую поездку», только молчание и грустное лицо выдавали переживания мамы. Возвращался отец обычно сердитым и неприступным. Это были слабавольные попытки скрыть свою вину, вину, которую он с трудом переживал, несмотря на японские традиции.

Однако в некоторой степени я радовался, когда отец отлучался из дома. Не то чтобы я не любил его, нет! Просто я чувствовал себя более свободным в его отсутствие. У меня появлялась возможность побыть с мамой и Томикой, стать центром их внимания. Пока шли недели за неделей и приближалась дата моего отъезда, мне было все приятнее находиться рядом с ними.

Из-за моего отъезда особенно убивалась Томика. Она была мне больше чем сестра, всегда заступалась за меня перед старшими братьями. Томика, как и мама, стирала мою одежду, готовила мои любимые блюда и баловала меня.

Часто мы бродили по пронизываемому ветрами берегу океана, по холодному песку, пахнувшему солью и рыбой. В редкие январские дни, когда солнце пробивалось сквозь тучи, мы собирали ракушки и прислушивались к шороху тростника в заливе. Даже в холодные дни мужчины и женщины сутились здесь около длинных грязных лачуг и коптили рыбу. Морщинистые смуглые старики в лохмотьях, согнувшись, тащили свои сети. Я никогда не знал о нуждах рыбаков, не ходил босым и полураздетым, как их дети, а потому их жизнь казалась мне интересной благодаря своей абсолютной простоте. Иногда мы наблюдали, как рыбаки раскладывали крошечную поблескивающую рыбу по плетеным корзинам сушиться. Когда солнце нагревало пляж, они отдыхали, зарыв свои босые ступни в песок. И голоса их всегда были спокойными, совершенно непохожими на те, которые звучали в суете города.

В этих людях словно заключались вечность и тишина, благодаря которым война переставала выглядеть реальностью. Враг бомбил нашу родину, но это тоже казалось нереальным, как что-то, что происходит только в книгах и фильмах.

Такое же умиротворение чувствовалось, когда мы шли дальше мимо крестьянских земель вдоль гор, любуясь их ступенчатыми склонами. Зимой луга и рисовые поля были блеклыми и безжизненными, но с приходом весны они взрывались изумрудными искрами. На унавоженной почве рис рос все выше и выше и оставался зеленым целое лето. А горы, поросшие деревьями, с течением времени становились темными.

Стремительно пролетели отведенные мне три месяца. Я вдруг понял, что скоро расстанусь с семьей и друзьями. Может быть, навсегда. Я мог больше никогда не вернуться

в Ономити. Однажды, незадолго до конца января, мы с Томикой сидели в моей комнате, и меня вдруг поразило чувство, что всему приходит конец. Завтра уезжать! Эта мысль была одновременно волнительной и страшной. Она смутила и расстроила меня. Я был на пороге чего-то невероятно важного, не описуемого словами.

Взглянув в сторону гор, я с тревогой в голосе проговорил:

– Хорошо бы, сейчас было лето. Тогда бы мы могли ходить в походы и купаться.

– Ясуо, – отозвалась Томика, – разве такое может быть? Сейчас действительно идет война? И мы действительно воюем с людьми, которые ненавидят и хотят поработить нас?

– Почему нет? – ответил я. – И мы их ненавидим и хотим поработить, не так ли?

Союзники были крупными людьми с бледной кожей и странными волосами – у одних они были рыжими, у других песочного цвета. Они были надменными, богатыми и ленивыми, купающимися в роскоши. Их солдаты были дикими и говорили гортанными голосами.

– Ты веришь в то, что говорят про американских моряков? Будто их заставляют убивать и съедать своих бабушек? Так почти все в школе говорят.

– Нет, – твердо ответила Томика. – Это глупости! Никто никогда не станет делать таких вещей.

Несомненно, подобная пропаганда велась и среди американцев. Для них мы были желтокожими узкоглазыми обезьянами, живущими в бумажных домах. В нас не было и искры оригинальности. Мы могли только подражать. Наши солдаты, да и все японцы считались подлыми, вероломными и фанатичными. «Грязный джап» – такой эпитет я слышал много раз. С тех пор я часто поражался, как много подобных форм невежества (с обеих сторон) способствуют войнам.

Но в январе 1944 года я не очень задумывался о таких проблемах. Меня воспитали с верой в то, что праведная императорская власть выше всего и что она обязательно должна завоевать весь мир. И тогда все народы объединятся в одну иерархическую систему во главе с Японией. Очевидно, этого нельзя было достичь без военных действий. Значит, в условиях быстрого роста населения и маленьких площадей мы должны были завоевывать новые территории.

И все-таки я не мог заставить себя по-настоящему ненавидеть врага. Когда мы с Томикой размышляли об этом, я понимал, что просто хочу жить. Тем не менее во мне росли волнение и тревога. Скоро я буду летать на настоящем самолете. Одно это делало меня героем в глазах всех моих друзей из Ономити.

В последние дни пребывания дома чувство реальности становилось все сильнее. Я попрощался с учителями и одноклассниками. К тому же я с радостью узнал, что два других ученика тоже выбраны для призыва в воздушные войска и что Тацуно был одним из них. Ему предстояло приехать позже, и нас обоих распирало от счастья при мысли о таких перспективах. Мы теперь часто ходили вместе. Наша связь с авиацией сблизила нас еще больше. Мы стали почти братьями. Когда Тацуно сообщил мне о том, что он тоже призван, я хлопнул его по спине и крикнул:

– Вот видишь! А что я тебе говорил!

Мой друг лишь слабо улыбнулся, и это была улыбка старика в обличье мальчика, и я понял, что он испугался.

В свой последний день дома я позвал Тацуно с собой, и мы зашли к другим ребятам, а оставшиеся часы я провел с семьей. Папа был очень горд, он говорил со мной гораздо более доверительно, чем всегда, а мама и Томика готовили для меня особые суси, сасими⁴ и другие деликатесы.

⁴ Сасими – порезанная кусочками сырая рыба. (Примеч. пер.)

Незадолго до полуночи я пожелал всем спокойной ночи и заполз на свой тонкий матрац. Но сон долго не шел. Мои мысли крутились, как стеклышки в калейдоскопе, – прошлое, будущее, фантазии. Вдруг меня охватил страх. Я был на год, даже на два моложе тех, кого призывали в армию. Смогу ли я держаться наравне с ними? Смогу ли выдержать суровые условия жизни и наказания, о которых так много слышал?

В полусне я некоторое время ворочался и извивался, затем вдруг вернулся в реальность. Какие-то самолеты пролетали в небе и таяли в ночи. Рядом со мной сидела и гладила мои волосы мама. Я протянул руку и нащупал ее теплые пальцы. В темноте раздался приглушенный звук, и я понял, что Томика тоже была рядом. Кружение мыслей в голове остановилось, и наконец-то пришел сон.

Часть вторая

Глава 4 Укрепление духа

Военно-воздушная база Хиро находилась всего в двух часах езды на поезде от моего дома, но это был совершенно другой мир.

Меня предупредили о том, чего там можно ожидать, да и сам я постарался подготовиться. Но никто не мог предположить, в каких условиях мы окажемся на базе.

Шестьдесят новичков расселили в четыре из сорока восьми казарм. Размером база Хиро была три мили по периметру. Ее территорию пересекала узкая взлетно-посадочная полоса. Здесь же располагались тренировочные площадки, медицинский пункт, склады и множество других служебных строений.

По одну сторону взлетно-посадочной полосы стояли сборочные цеха и испытательная площадка для истребителей. В это время Япония сильно нуждалась в деньгах и материалах, особенно в алюминии. На конвейерах работали в основном мальчишки, и около пяти из каждых тридцати собранных самолетов падали, а иногда и разваливались прямо в воздухе.

Перед тем как расселить нас по казармам, сержант прочитал вводную лекцию. Нам подробно рассказали, как заправлять кровати, как носить форму и наводить глянец на сапоги или ботинки. От нас жестко требовались идеальный порядок и абсолютная чистоплотность. Затем нам сообщили, что сигнал к отбою будет звучать строго в двадцать один час.

Эти правила мало чем отличались от порядков в армиях других стран. Военные всех национальностей жили по одним и тем же правилам. Разница заключалась в том, как эти правила претворялись в жизнь. Например, плохо выбритый или не начистивший перед осмотром свою обувь американец мог лишиться на пару дней увольнения или получить дополнительный наряд.

Для нас же, как и для всех японских курсантов, малейшее нарушение, незначительная ошибка автоматически означала мучительную расплату. То, что я могу назвать не иначе, как террором безжалостной дисциплины и жестоких наказаний, началось сразу же после нашего прибытия на базу и продолжалось впоследствии в течение всей нашей подготовки, – террором столь ужасным, что некоторые его не выдержали.

Американских пленных, «жертв японских зверств», постигала едва ли более горькая участь. А с некоторыми на самом деле обращались гораздо лучше, чем с нами. Солдаты, попавшие в лагеря в Умэде и Осаке, организовали собственные пункты раздачи лекарств и имели гораздо лучшее, чем у нас, медицинское обслуживание. Многие американцы, работавшие на разгрузке кораблей и железнодорожных вагонов, умудрялись таскать еду не только для себя, но и для охранников, покупая таким образом их содействие и молчание.

Конечно, по их меркам, с ними обращались ужасно, но совершенно точно не хуже, чем снами. Как бы мы ни выполняли поставленные перед нами задачи, сержант всегда находил повод для наказаний. Они являлись составной частью нашей подготовки и преследовали две цели: создать железную дисциплину и неукротимый боевой дух.

Перед нами не просто стояла задача овладения мастерством. Это был вопрос жизни и смерти. Тот, кто мог выдержать школу сержанта, уже никогда не побежал бы от врага и предпочел бы плену смерть.

Не могу сказать, действительно ли такая политика способствовала воспитанию превосходного бойца. У понятия «смелость» может быть второй, скрытый смысл. Тем не менее

так действительно воспитывались бесстрашные и преданные люди, которые практически всегда дрались до смерти. Враг сознавал, что до последних дней войны на сотню наших убитых солдат приходился всего лишь один пленный. И то в плен попадали только те, кто был серьезно ранен или терял сознание.

Словно на экране кинотеатра вижу я сейчас испуганного, тоскующего по родному дому мальчика, каким я был в первый вечер своего пребывания на базе. Я лежал на своей койке и чувствовал себя загнанным зайцем, пытаюсь представить, какие испытания меня ждут, думая о том, что принесет завтрашний день. Тревога отнимала у меня силы и не давала заснуть.

Вдруг распахнулась дверь. Дежурный по казарме сержант проводил свой первый осмотр. Затаив дыхание, я прислушивался к его ворчанью, следил за желтым лучом фонарика и понимал, что все пятнадцать человек, так же как и я, замерли в тревожном ожидании. Должно быть, все мы молились, чтобы сержант ушел, но наши молитвы не были услышаны.

Вспыхнул свет, и, сопровождаемые шлепками, толчками и резкими командами, мы вскочили со своих коек.

– На выход, болваны! На выход, маменькины сынки!

Ошеломленный и моргающий, я поднялся, и тут меня схватила крепкая рука.

– Эй, лысый, – сказал кто-то, увидев мою стриженую голову, – на выход!

Сильный толчок, и я вылетел за дверь.

В одних фундоси⁵ мы выстроились вдоль казармы, и толстый сержант начал поносить нас на чем свет стоит. Таким было наше первое знакомство со старшим сержантом Ногуми по прозвищу Боров.

– Вы все жили дома, как животные? – рявкнул он. – И вы решили жить так и теперь, когда оторвались от материнских юбок? Вас сегодня предупреждали, чтобы вы содержали свою казарму в чистоте. Может, вы подумали, что мы говорили это для самих себя? – Несколько секунд старший сержант молча смотрел на нас, затем хитро усмехнулся: – Ха, они даже не знают, как стоять по стойке «смирно».

На какое-то мгновение он стал почти похож на бранящегося отца.

– Сопляки, – хмыкнул старший сержант и покачал головой.

Я вздохнул с облегчением. Может, подготовка окажется не такой уж тяжелой. Может, теперь политика изменилась...

Боров подошел к одному из сержантов и подмигнул ему. Тот принес ему биты.

– Спасибо. – Боров произнес это подчеркнуто вежливо. Я вдруг понял, что передо мной стоял человек, в совершенстве умеющий обращаться с новобранцами, который прекрасно знал все проблемы и любил свою работу. Скривив губы, он указал на надпись в изгибе биты.

– Знаете, что здесь написано?

Все мы прекрасно знали значение слов и назначение этого инструмента для укрепления японского боевого духа.

– Вы знаете, для чего служит этот предмет? – спросил старший сержант.

– Да, господин, – пробормотал кто-то из нас.

– Тсс! – Боров выглядел огорченным и полным сострадания. – Вы что, каши мало ели? Я почти не слышу, что вы там бормочете. А теперь серьезно, вы действительно не знаете предназначения этой биты?

Теперь ему ответили больше голосов, но звучали они по-прежнему робко.

– Вы их только послушайте. Не громче, чем выпускают газы в ванне. И давно вы перестали сосать маменькину сиську? – Боров пронзительно захихикал и кивнул одному из сержантов. – Сопляки! Скажи, Сакигава, ты видел когда-нибудь таких сопливых ублюдков?

⁵ Фундоси – набедренные повязки. (Примеч. пер.)

Сержант искоса взглянул на нас, и несколько человек в шеренге едва заметно улыбнулись.

– Стереть улыбки! – заревел Боров. – Быстро стереть!

В ужасе мы провели руками по губам, глядя на него вытаращенными глазами. При этом он громко загоготал. Некоторое время Борова сотрясал смех, затем он со стоном вытер глаза.

– О боже, как давно я этим занимаюсь! – Подавив в себе смех, старший сержант сказал: – Боюсь, нам придется начать вашу тренировку. Кругом!

Мы повернулись лицом к казарме и увидели металлическую решетку высотой нам по пояс, тянущуюся вдоль всего строения. Сержант приказал всем нагнуться и взяться за прутья обеими руками. Опять мы услышали маниакальный смех.

– Вы только посмотрите на эти маленькие задницы! – Почти сатанинское ликование. Потом Боров взял себя в руки. – Ладно, ребята, сейчас мы вобьем в вас немного боевого духа!

Эти слова наполнили меня ужасом, и я стал бороться с желанием броситься бежать. Послышался глухой удар, и первый из нас со стоном схватился за свои ягодицы. Два сержанта шли с битами в руках.

– Держаться за прутья! – крикнул один из них.

Жертва подчинилась и скорчилась от боли, когда бита обрушилась на нее.

– Стоять смирно!

Бита опустилась в третий раз. Звук дерева, бьющего по плоти, приближался. Стоны стали доноситься все чаще и чаще. Те, у кого с губ срывался даже едва слышный звук, получали дополнительные удары.

Стиснув зубы, я изо всех сил вцепился в прут решетки и уставился на стену казармы. Парень слева от меня получил удар биты. Один страшный момент я ждал. Затем все мое тело сотряслось. Белая вспышка, огонь, пробежавший по ягодицам и переметнувшийся на спину. Никогда в жизни я не испытывал такой боли. Но как-то мне удалось не застонать и почти не пошевелиться. Может, потому что у меня было больше времени подготовиться, чем у других.

Человек с битой остановился, глядя на мою искривившуюся спину, затем двинулся дальше. Наконец экзекуция была закончена, и мы толпой побрели в казарму. Когда мы со стонами бросились на свои койки, дверь снова распахнулась.

«Только не это! Только не это!» – молотом стучала мысль в моей голове.

Наш друг Боров снова стоял на пороге. Свет падал на его жирное лицо. Некоторое время он стоял так, затягиваясь сигаретой и выпуская дым через ноздри. Я лежал на животе, вцепившись в матрац, и смотрел, как дым спиралями поднимался к лампочке на крыльце.

Наконец Боров бросил окурочок в корзину для мусора и сказал почти дружелюбным и заговорщицким тоном:

– Ну, теперь вы поняли, для чего служат биты?

– Да, господин, – хором ответили мы.

Усмехнувшись, старший сержант тихо закрыл дверь.

Глава 5

«Тайко бинта» – отличная игра

На следующее утро Боров собрал нас на лекцию и торжественно заявил:

– С сегодняшнего дня я хочу, чтобы вы относились ко мне как к старшему брату. Если у вас есть какие-то вопросы, просьбы или проблемы, я надеюсь, вы поделитесь ими со мной. Для этого я здесь и нахожусь.

Трудно было поверить, что перед нами стоял тот же человек, который напугал и избил нас всего восемь часов назад. Сейчас он говорил с нами с достоинством и пониманием. Мне сразу захотелось полюбить Борова. Я даже почувствовал укол совести, что старший сержант получил такое прозвище. Теперь мне хотелось рассказать ему о своих трудностях и встретить в его лице понимание.

– Я прекрасно знаю, – продолжал он, – что вы уже слышали, насколько трудна подготовка в военно-воздушных силах. На самом деле она может такой и не оказаться, если вы будете исполнять все, что вам говорят. Просто делайте то, что от вас требуют. Это очень просто. – Закончил старший сержант свою речь такими словами: – Для вас пришло время становиться мужчинами. Вскоре на ваши плечи ляжет ответственность за родину, за весь мир. Кроме всего прочего, вы должны научиться подчиняться приказам безоговорочно! Немедленно! Не думайте о причинах этих приказов. Они отдаются потому, что они правильные! Мы – голова. Вы – руки и ноги. Вчера вы получили четкие указания соблюдать чистоту в казармах и не выполнили их. В одной казарме пропал сапог! В двух других пепельницы стояли не точно в центре столов. Если такие нарушения будут случаться и дальше, мне придется наказать вас по-настоящему. – Старший сержант молча осмотрел наш строй, затем хитро взглянул на другого сержанта, своего помощника. – Взбучка, которую вы получили вчера, еще далеко не все. Это вовсе не больно. Когда вы закончите курс обучения под руководством сержанта Ногути, вы сможете выносить все. Удары биты по заднице будут вас только смешить. Я сделаю из вас настоящих мужчин!

Распорядок дня был устроен довольно разумно. В шесть часов мы вставали и через десять минут строились. Затем двадцать минут гимнастики и кросса перед завтраком. Кормили нас хорошо. Рацион состоял из рыбы, риса и бобового супа. Еду приносили из столовой в казармы в огромных деревянных бадьях. Наша утварь ограничивалась мисками и палочками.

После завтрака нас инструктировал дежурный офицер, а затем лично Боров. Кроме обеда, остальная часть утра и дня проходила в классных занятиях, гимнастике, строевой подготовке и учебных полетах на планерах. С четырех до шести вечера мы чистили свои казармы и готовили снаряжение и форму перед страшным ночным обходом. Вдобавок мы должны были следить за чистотой в казармах сержантов, стирать и гладить их белье и обмундирование.

После ужина мы выслушивали брань Борова, которая обычно длилась от тридцати минут до двух часов. Остальное время до девяти перед вечерней проверкой было свободным. После нее давали отбой и гасили свет.

Таким был наш распорядок дня. Но как раз эта рутина превращала нашу жизнь в кошмар. Да, свет гасили в девять, но именно тогда дежурный по казарме сержант начинал свой обход, и редко когда он не находил, к чему придраться, несмотря на все наши усилия содержать помещение в идеальной чистоте.

Через несколько дней после знакомства с битами нас научили интересной игре под названием «тайко бинта». И все из-за того, что один из курсантов не положил на место щетку для обуви.

После того как нас выгнали на холод в одних набедренных повязках, Боров злобно осмотрел строй и сказал:

– Ладно, дружочки. Мое предупреждение на вас не подействовало... Эй, вы, там! Смирно!

Он принял дурацкую, неуклюжую позу, выпятив живот и по-обезьяньи опустив руки. Некоторые из нас едва заметно улыбнулись. Боров полностью оценил свою роль и продолжал принимать другие странные позы. Он мог бы пародировать разных людей, изображая их манеры, выражения лиц, задирая нос вверх, выкатывая глаза или глядя перед собой с поддельным ужасом.

При других обстоятельствах Боров мог бы стать превосходным комедиантом. Я никогда не переставал удивляться его двуличности. Он был совершенно непредсказуем. Всего через несколько мгновений после своего представления Боров подверг нас новому садистскому наказанию.

– Сейчас, – заявил он, – мы будем играть в игру. Маленькая приятная забава – «тайко бинта»! – Усмешка на лице Борова растаяла, когда он вдруг рявкнул: – В две шеренги становись!

Мы выстроились в две шеренги по семь человек лицом друг к другу. Один остался стоять в центре. Подойдя к нему, Боров сказал:

– Сейчас я вам покажу. – Встав перед бледным парнем, он пробормотал: – Теперь мы враги. Суть игры в следующем – вот так!

Быстрый, как хорек, его кулак нанес удар. Парень вскрикнул и упал на землю, закрыв лицо руками.

Гул пробежал по нашим рядам.

– Молчать! – взревел Боров. – Как вы видели, игра очень простая. Суть ее в том, чтобы обмениваться ударами – наносить их самому и держать удары противника. К сожалению, мой партнер – плохой игрок. Смотрите! Он сломался, как девчонка! Итак, хоть мне и очень не хочется, но я выхожу из игры.

Парень все еще лежал на земле, держась за лицо и свернувшись, как улитка, словно таким образом мог исчезнуть из этого мира. Боров поднял его и заботливо отвел в сторону. Затем он приказал начать игру. Ребята из первой шеренги должны были бить по лицу тех, кто стоял во второй.

– Итак, первая шеренга, на счет три. – Боров стал считать таким нежным голосом, каким мать убаюкивает свое дитя. – Раз, два, три – начали!

Раздались удары.

– Немного жестче! – скомандовал наш сержант. – Еще жестче! Ну! Бьете, как бабочки! Вы заставляете меня продемонстрировать вам еще раз, ребята.

Первые удары не причинили мне особой боли, но вскоре они стали сильнее, когда мой оппонент стал бить чаще. Когда боль усилилась, наша вторая шеренга стала пятиться назад и тем самым заставила сержантов достать свои биты. Пока они молотили нас сзади, Боров орал:

– Ну! Сержанты, вы тоже бьете, как бабочки! Дай мне биту, Какуда!

Хихикнув, он пробежал вдоль нашей шеренги, раздавая стремительные глухие удары. Я подался вперед, и удар противника оказался сильнее, чем тот сам ожидал. Мой нос онемел, и я глотнул, когда теплая струйка потекла мне в горло. Наконец, пришло время поменяться ролями.

Я бил как можно легче, когда один из внимательных сержантов заметил это и стал колотить меня по бедрам. Я инстинктивно выставил руку и получил сильный удар в локоть. Крепкие пальцы схватили меня за шею, ногти впились в кожу.

– Так, хитрец, – прорычал сержант, – дайка мне посмотреть, как ты прольешь немного кровушки!

Я взглянул ему в лицо – волевое, красивое лицо, но его глаза сверкали, как у дикого животного.

– Я... я не могу, – невольно заикнулся я.

– Что? Что? – с недоверием спросил мой надзиратель. – Посмотрим.

Боль обожгла меня. Словно этого было недостаточно, сержант начал бить меня прямо между ягодиц. Такого я вынести не мог и закружился. На какое-то мгновение я потерял чувство реальности и хотел в жизни только одного – убить мучителя. Но мой боевой дух воспрянул ненадолго. Сержант бил меня до тех пор, пока я не упал на землю.

– В следующий раз, маленький ублюдок... – выдохнул он, – в следующий раз я снесу тебе башку.

Я вскочил на ноги.

– Ты все еще хочешь драться? Хорошо... вставай обратно в строй!

Все мое тело горело, когда парень напротив меня крикнул:

– Давай, ударь меня! Ударь меня, я выдержу!

Мой кулак тяжело врезался в его щеку.

– Жестче! – крикнул сержант, и я продолжал бить все сильнее и сильнее.

Наконец Боров приказал остановиться.

– Итак, новобранцы, – пояснил он, – теперь вы познакомились с «тайко бинта». Отличная игра, не так ли? Что, вам так не кажется? Ну, просто надо немного потренироваться. И тогда вы сможете написать своим матерям, как весело проводите время.

Глава 6

Великий путь небес и земли

Потом все мы лежали, пытаясь сдерживать свои стоны. Несколько ребят около меня стошнило. Моя голова раскалывалась, а казарма, казалось, раскачивалась, как корабль на волнах. Я лег на бок, стараясь вспомнить, что же произошло и почему это произошло. Но мои усилия были тщетны – все тонуло в сильнейшей боли и общем смятении.

Вдруг меня охватил ужас. Кто-то прикоснулся ко мне.

– Не бойся, – раздался шепот.

– Что? – выдавил я из себя.

– Тихо! Это я, Накамура.

Он стоял, и луч света из окна падал на его лицо и голые плечи. Парень был выше меня ростом, хорошо сложен. Но кожа во многих местах была покрыта угревой сыпью.

– Ах, это ты! – отозвался я. – Тот самый...

Я повернулся на другой бок и стал массировать ягодицы, не зная, что сказать. Парень по-прежнему стоял рядом.

– Ладно, – пробормотал я через некоторое время. – Садись.

Когда я поднимал ноги, боль снова вгрызалась в мое тело.

– Хорошо. – Парень тоже потер ягодицы и осторожно сел. – Задница болит еще с первого вечера. Я просто хотел тебе сказать... Извини, что бил тебя так сильно. Прости, пожалуйста.

– Ах, это, – ответил я, пытаясь улыбнуться. – За что же тут извиняться? Ты ничего не мог поделать. Это все твари сержанты.

– Да, – согласился он. – Гнилые ублюдки. – После короткой паузы парень сказал: – Знаешь, кто-нибудь однажды решит убить этих подонков... каждого... всех до одного... разнесет на куски их поганые морды.

– Надеюсь, – согласился я. Мне хотелось, чтобы он ушел, потому что боль накатывала волнами и было очень тяжело лежать неподвижно.

Наконец напряжение стало невыносимым, и я стал садиться, бормоча: – Прости, что я тоже ударил тебя так сильно. Я действительно ударил тебя очень сильно и надеюсь, ты простишь меня. Ты же знаешь, что я не хотел, правда не хотел...

На самом деле мне было все равно, что я говорил и делал. Только бы хоть как-то унять боль. Слова срывались с губ, как в бреду.

Но Накамура не уходил, и про себя я стал проклинать его. Я закрыл глаза, прикусил губы, сжимал и разжимал кулаки. Почему он не уходил? Он что, не видел, как я мучился? Сам-то он пострадал не так сильно.

– Тебе лучше бы не заставлять дежурного по казарме искать тебя, – произнес я, ненавидя себя за эти слова.

Мы оба прекрасно знали, что сержанты не появятся до утра.

– Я знаю, – ответил Накамура, но не двинулся с места.

Вдруг я заметил, что, если напрягать каждый мускул тела, боль слегка утихает. Тогда я разработал небольшую систему, напрягая мышцы, делая несколько вдохов и затем расслабляясь настолько, насколько можно было выдержать. Выполняя эти упражнения ритмично, я почувствовал себя лучше, взглянул на сидевшего рядом со мной парня и вдруг почувствовал, как он одинок. Вот почему Накамура не уходил!

– Откуда ты? – прошептал я.

– Из Куре, – ответил он, затем доверительно добавил: – Знаешь, я в общем-то знал, что тут будет трудно, но никогда не думал, что могут быть такие твари, как эти... Это же настоящие садисты, понимаешь? Каждый сержант здесь садист.

– Конечно, – согласился я. – Думаешь, как их отбирали? Прошлись по всей стране и посмотрели. И если видели, что кто-то бьет свою мать или младшую сестренку, говорили: «Пошли с нами. У нас для тебя есть особая работа – должность сержанта на базе военно-воздушных сил Хиро».

– И кроме того, все они гомосексуалисты, – сказал Накамура.

– Правда? – Теперь я был готов поверить во что угодно.

– Подожди, – предупредил меня парень. – Еще узнаешь. Мой брат служит в армии. Он много чего испытал. Здесь будет то же самое. Брат мне рассказывал.

– Правда? – Я почувствовал отвращение при одной только мысли об этом. – Мой брат тоже в армии, но никогда не рассказывал ничего подобного.

– Скоро сам все увидишь. Все они извращенцы. Боров – точно педераст. Это видно по его роже.

Я решил сменить тему разговора и сказал:

– Думаешь, в армии такая же тяжелая подготовка?

– Сомневаюсь, – ответил Накамура. – Хотя может быть. На маршах приходится проявлять мужество, выносливость и терпение. В армии тоже бьют. В общем, мне кажется, там то же самое.

Когда я отвлекся, боль утихла, и меня стало клонить ко сну. Я удивлялся, как Накамуре не надоело сидеть рядом со мной так долго.

– Конечно, – продолжил он, – у нас не такая страшная подготовка, как у пилотов морской авиации. Те, кто прошел ее, настоящие мужики, поверь мне. Их вообще не остановить.

– Разве может быть подготовка труднее нашей? – пробормотал я и стал постепенно засыпать, а Накамура продолжал говорить.

Когда я проснулся, было шесть часов утра. Я застонал и все вспомнил. Какое-то время было трудно даже представить, что я нахожусь вдали от дома. Остальные ребята тоже зашевелились, и началась побудка. Стоны стали доноситься со всех сторон, когда коротко стриженные головы начали появляться из-под одеял. Да, все это было реальностью. На мгновение я закрыл глаза, словно это как-то могло изменить действительность.

На секунду я увидел родной дом, свою комнату, маму и Томику, ощутил их тепло. Тоска нахлынула на меня, и мне едва удалось сдержать слезы. Это было слишком жестоко. Жизнь не могла быть такой жестокой! Такого не могло быть!

Но это было. Сакигава и Какуда по прозвищу Змей пробирались между рядами коек, хватая тех, кто задержался. Сержанты перевернули одну койку, сбросив на пол запутавшегося в одеяле курсанта. Это был Накамура.

Мне нужно было как можно быстрее встать! Страх поразил меня, и я не мог двигаться! Несколько секунд мои ноги были как деревянные. Правая рука сильно ныла в области локтя и казалась парализованной. Усилием воли я соскочил с койки, и, когда встал на пол, боль вонзилась в тело тысячами острых осколков. Однако шок вернул мышцы к жизни, и я стал натягивать на себя брюки и рубашку.

Я стремительно завязывал шнурки, но Сакигава и Змей, проходя мимо, скомандовали:

– Пошевеливайся!

Заправив койки, мы с ворчаньем и гримасами выбрались на первое построение. Когда мы стояли, глядя прямо перед собой, я понял, что каждый получил достаточно ссадин и ран. Боковым зрением я увидел осунувшиеся лица, царапины и синяки.

Глядя на нас, Боров улыбался во весь рот.

– Тяжело? – спросил он. – Больно? Ах, какая жалость. – Боров сморщил свои толстые губы. – Естественно, чего же вы хотели? Все вы щуплые и дряблые, как старухи. Слабаки. У вас нет никакой выносливости. Достойные сыны Японии! Ну ничего, двадцать минут пробежки помогут вам размяться. Конечно, я с удовольствием пробежался бы с вами, но, как вы понимаете, мы, сержанты, к сожалению, подвергаемся дискриминации. – С наигранной горечью он опустил глаза. – Нас заставляют ездить на велосипедах.

Построив нас в колонну, Боров скомандовал:

– Шагом марш!

Каждый шаг был пыткой. Мы шли словно надломленные старики.

– Ужасно! Ужасно! – кричал старший сержант. – Раз вы не умеете ходить, будем учиться бегать. Бегом марш!

Послышался какой-то треск, и последний парень натолкнулся на впереди бежавшего. Медленно, преодолевая боль, наша колонна, пошатываясь, двинулась вперед, словно стая уток.

Пока мы, хромя, бежали по взлетно-посадочной полосе, Боров лениво кружил на своем велосипеде, то визжа, то ругаясь, то гогоча и выкрикивая насмешки. В руках он держал бамбуковую палку около четырех сантиметров в диаметре. После того как мы пробежали полмили, некоторые начали отставать.

– Быстрее! Быстрее! – подгонял их Боров.

Через милю несколько ребят совсем отстали.

Один из них отделился от общей группы сначала на несколько футов, потом на несколько ярдов.

Причем расстояние продолжало увеличиваться. Боров оглянулся и заколесил к отставшему. Когда мы добежали до края взлетно-посадочной полосы, чтобы сделать разворот, я оглянулся. Парень лежал на земле, а Боров колотил его бамбуковой палкой. Но даже это не помогало. Бедняга потерял сознание.

Бег продолжался, и все больше и больше ребят начали отставать. Один споткнулся и рухнул на бетон. Два товарища помогли ему подняться, но он не мог стоять на ногах, когда несчастного потащили вперед. Конечно, двоим нести третьего долго не удалось. Да и Боров вскоре подъехал к ним и начал бить всех троих. Закончив экзекуцию, он покатил вдоль нашей колонны, ругая нас на чем свет стоит.

– Вот как атакует истребитель! – орал старший сержант. – Быстро! Неожиданно! Смертоносно! – Он ехал и колотил каждого по голове. – Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

К счастью, его удары не всегда достигали цели.

Я почувствовал, как палка просвистела у меня над головой, и через мгновение, войдя в роль истребителя, Боров опрокинул одного курсанта страшным ударом.

– Неповоротливая задница, – прокаркал он.

«Какая радость! – подумал я. – Сбит прославленный летчик!»

– По мере того как бег становился совсем невыносимым, ребята один за другим начали терять сознание. Наконец, нас осталось четверо или пятеро. Видимо, Боров тоже немного устал и приказал остановиться. Все мы судорожно хватали ртом воздух, но, должен признать, мышцы болеть перестали. Когда мы остановились согнувшись – в позах, выражающих внимание, – истребитель сердито посмотрел на нас, улыбнулся и заметил – Всегонавсего короткая прогулка перед завтраком, правда, ребята?

Бамбуковая палка мелькнула в воздухе и едва не разломилась пополам.

Таким было начало неудачного дня. После обеда Змей познакомил нас с еще несколькими играми. Последняя заключалась в ползании по казарме на животе под койками. И все потому, что пол был грязнее, чем «в свинарнике». Я полз вперед, и передо мной маячили пятки соседа. От одного только прикосновения к полу я начал засыпать. Сон буквально одо-

левал меня. Как было бы чудесно, если бы я незаметно выбрался из этой вереницы, просто тихо лег под койкой и спал бы, и спал... Желание уснуть нахлынуло на меня, как водоворот, но тут же раздался крик:

– Ползи сюда!

Я уткнулся в чьи-то сапоги.

Через какое-то время Змей ушел, и с кухни принесли деревянные бадьи с едой. Я яростно набросился на свою миску с рисом, когда кто-то произнес:

– Привет, старина Кувахара.

– Привет, Накамура! – ответил я. – Сиди, сиди, пожалуйста.

Ничего, кроме традиционного приветствия, да и голодны мы были так, что особенно не поговоришь. И все-таки как здорово было иметь друга. Накамура был одним из тех, кто не упал во время нашей утренней «короткой прогулки».

– Грязный сукин сын, – прошептал он. – Небось наглotalся сегодня своих таблеток, а?

– Да, – согласился я. – Совсем ополоумел.

На самом деле никто из нас не видел, принимал ли что-нибудь Боров, но было приятно думать, что у него «съехала крыша». Вскоре мысль, что у старшего сержанта не в порядке с головой, стала передаваться из уст в уста.

– Подожди, – уверял меня Накамура, – эта толстая задница как-нибудь получит. Придет темный вечерок...

– Это точно, – согласился я.

Опять мы выдавали желаемое за действительное. Но желание это было огромным. Просто думать об этом и знать, что другие думали так же, – уже одно это поднимало мой дух. Поначалу многие ребята молчали, но, как товарищи по несчастью, мы быстро подружились. Было здорово сочувствовать друг другу и вместе ненавидеть.

Наша короткая передышка закончилась, и вскоре мы познакомились с другими играми. Когда мы проявляли недостаточную выносливость, нас заставляли ложиться на бок, а потом подниматься с помощью одной руки и ноги и балансировать. Эксперимент интересный, и сначала он казался простым, но с течением времени становилось все труднее и труднее. В конце концов, в этой идиотской позе нельзя было продержаться больше нескольких секунд. Раз за разом мы балансировали. Наши тела представляли собой своеобразную букву «Х». Руки и ноги начинали дрожать, затем подламывались. Через полчаса мы плюхались на землю, уже не балансируя.

На этой стадии наши сержанты начали использовать кнуты. Мы лежали, задыхаясь, стеная и ожидая удара кнута или палки. Один раз кнут, словно кислота, обжег мою шею и ухо, но я только непроизвольно сжался и попытался закрыться. Я был почти парализован.

В течение дня мы подверглись еще дюжине новых видов наказаний, и вечером Боров довел издевательства до логического завершения. Мыне смогли повторить вслух пять основных пунктов Имперской присяги, а точнее, предписания.

Вскоре я понял, что ошибки в этой области приводили к дисциплинарным взысканиям гораздо быстрее, чем любые другие нарушения. Имперское предписание солдатам и матросам, отданное императором Мэйдзи в 1882 году, считалось практически священным. Это был документ, состоявший из нескольких страниц, которые каждый военный был обязан знать наизусть. Его сложные правила и философию требовалось поглощать через постоянную зубрежку и медитации. Каждый должен быть готовым в любой момент процитировать его, полностью или по частям.

Иногда японских бойцов заставляли повторять его наизусть полностью на каждой вечерней поверке. Распевное чтение длилось около четверти часа. Однако мы в Хиро повторяли только пять основных пунктов или положений:

1. Солдат и матрос должен считать преданность своей важнейшей обязанностью. Солдат или матрос, чей боевой дух недостаточно силен, каким бы талантом он ни обладал в искусстве или науке, является простой марионеткой. Тело солдата или матроса, просящее пощады, каким бы организованным и дисциплинированным он ни был, в сложных ситуациях ничем не отличается от черни. С твердым сердцем выполняй свой главный долг – храни верность. Постоянно помни, что обязанность тяжелее скалы, а смерть легче перышка...

2. Младшие по чину должны считать приказы старших исходящими от самого императора. Всегда оказывай уважение не только командирам, но и другим старшим по званию, хотя ты им и не подчиняешься напрямую. С другой стороны, старшие не должны относиться к младшим с презрением и высокомерием. Кроме случаев, когда долг требует от них быть суровыми и строгими, старшие обязаны относиться к подчиненным с вниманием, сделать доброжелательность своей главной целью, чтобы все военные могли объединиться для службы своему императору...

3. Солдат и матрос должны высоко ценить мужество и героизм. Даже в древние времена мужество и героизм в нашей стране почитались. Без них наше дело не заслуживало бы уважения. Как могут солдат и матрос, чья профессия сражаться с врагом, забыть хотя бы на мгновение о своей доблести?

4. Честность и справедливость – обычные обязанности человека, но солдат и матрос без них не могут оставаться в рядах вооруженных сил и дня. Честность подразумевает верность своему слову, а справедливость – исполнение долга. Значит, если ты хочешь быть честным и справедливым, с самого начала ты должен задуматься, способен ты на это или нет. Если ты бездумно соглашаешься сделать что-то непонятное и связать себя неразумными обязательствами, а потом пытаешься доказать себе свою честность и правоту, ты можешь оказаться в сложном положении, из которого нет выхода...

5. Солдат и матрос должны стремиться к упрощению своей цели. Если ты не упрощаешь свою цель, ты станешь женоподобным, легкомысленным, станешь стремиться к роскоши и расточительству. Ты станешь самодовольным, подлым, опустишься на самое дно, и ни преданность, ни доблесть не смогут спасти тебя от презрения... Солдат и матрос, никогда не относитесь легкомысленно к этому предписанию.

Эти предписания назывались «Великий путь небес и земли, всемирный закон человечества», и люди, допускаявшие хотя бы одну ошибку при его повторении, обрекали себя на самоубийство.

Вполне понятно, что Боров придавал такое огромное значение именно этому аспекту нашей подготовки. Закон должен был дойти до души «каждого солдата и матроса». Ну и конечно летчика. В то же время казалось большим парадоксом, что Боров и его коллеги довольно странным образом выполняли директивы относиться к младшим с доброжелательностью.

В тот вечер за то, что мы плохо запомнили положения предписания, нас выстроили перед казармой и одного за другим стали толкать так, чтобы мы бились лицом об стену. Один парень сломал нос, другой лишился нескольких зубов.

– Новобранцы, – сообщил нам потом Боров, – сегодня знаменательный день. Еще несколько таких же, и вы станете настоящими мужчинами!

Глава 7

Время плакать

В одну неделю вся моя жизнь изменилась – все мои представления о том, каким должен быть настоящий мужчина, что такое добро и зло, что правильно, а что нет. Но тогда я мог оценить свои чувства не более, чем жестоко израненный человек может оценить свою боль.

Внутренний шок порождал оцепенение, психологическую беспомощность. А результатом всего этого становился панический страх. Было совершенно невозможно заставить себя не бояться старших. Мы становились изворотливыми, как крысы, которых били электрическим током. Сначала нам не удавалось найти ни одного момента, когда можно было расслабиться. Мы постоянно сжимались в ожидании очередного удара.

Некоторое время мне на самом деле казалось, будто жизнь дома в семье, беззаботные школьные деньки были лишь плодом моего воображения. Каким далеким теперь все это казалось и каким туманным. Время – вещь относительная. Меня лишили юности. За одну неделю я стал взрослым.

«Новобранцы, новобранцы, чистите свои сапоги. А потом можете поплакать на своей койке». Эти слова после тяжелого дня курсанты напевали уже давно. Ночь всегда сопровождалась для них тоской. После отбоя можно было предаться воспоминаниям, глубоко вздохнуть и под покровом темноты дать волю сдерживаемым эмоциям, боли и страху.

Когда дежурный по казарме сержант заканчивал свой осмотр, после любого дисциплинарного взыскания мы лежали на койках, думая о доме, в основном о своих матерях, иногда о сестрах. Ведь некоторым из нас было всего по пятнадцать лет. А может, мы даже испытывали некоторое удовольствие от своего горя. С некоторыми иногда так бывает. Когда никто нам не сочувствовал, мы сочувствовали сами себе. И тогда мы лили слезы. Никто не мог видеть этого, а всхлипывания слышали лишь немногие.

У некоторых новобранцев, как у меня, только начали ломаться голоса. Во сне мы иногда громко звали матерей. Странно, но я никогда не слышал, чтобы хоть один курсант назвал имя своего отца. (Потом я узнал, что умирающие люди всегда зовут матерей.) Отец – глава семьи, и его строгость и скрытая любовь часто помогают сыну укрепить в себе боевой дух. Но когда необходимоутешение или когда часы человека на этой земле сочтены, он думает о матери.

Тому, кто незнаком с образом мышления японцев, некоторые наши поступки, плач и сентиментальность могут показаться удивительными. Для иностранцев мы люди с каменными лицами, никогда не проявляющие своих чувств. Действительно, мы создаем вокруг себя своеобразный барьер. Наша философия – смирение, и мы часто не выражаем чувства, даже когда полны радости или ненависти.

Уроженца Запада, особенно американца, как мне кажется, можно сравнить с кипящим котлом с чуть сдвинутой крышкой. Пар выходит легко и постоянно. Японец же больше похож на скороварку. В ней используется такой же пар, и он может собираться некоторое время под крышкой без каких-либо внешних проявлений. Но если в один момент его выпустить, может проявить всю огромную накопившуюся силу.

Можно понять, как японец, являясь в один момент образцом спокойствия, благородства, а иногда даже и низкопоклонничества по сравнению с людьми других национальностей, в следующее мгновение может упасть на пол в истерике... или фанатично броситься на своего врага.

Несмотря на все эти умозаключения, каждое действие наших сержантов было подчинено тому, чтобы подавить любое проявление эмоциональности, кроме тех случаев, когда она служила на пользу государству и императору. Они делали постоянный акцент на то,

чтобы направить наши эмоции в нужное русло. В идеале любое проявление страха, тревоги и радости должны быть подчинены, преобразованы и выражены в форме боевого духа. В этом смысле все личные переживания должны быть связаны с общим делом. Хныканье от боли, слезы при воспоминаниях о матери являлись не только признаками слабости. Они означали, что наша жизнь еще не была посвящена Великой Идее. Мы еще не получили жизненный урок, и, как индивидуальности, являемся всего лишь расходным материалом. А расходы – не потери, если служат достаточно великой цели.

Если новобранец стонал во сне и его слышали, наказывали нас всех. По ночам нас часто поднимали. Это Боров приходил поздороваться с нами вовсе не в добром настроении. Его самодовольная улыбка исчезала, лицо перекашивалось. Иногда на нем проступали заметные следы усталости.

– Может ли быть, что вы, жалкие детишки, скоро станете благородными сынами Японии, сражающимися во славу нашего почтенного императора? – Старший сержант качал головой. – Я здесь, чтобы сделать из вас мужиков, и не хочу потерпеть неудачу. Я сделаю настоящего мужика из каждого курсанта, даже если мне придется его убить. Одна мысль о том, что император снизошел до нас, подумал о нас, оказал нам честь, приводит нас в дрожь. А сейчас, новобранцы, я хочу дать вам несколько дружеских советов – особенно тем, кто хнычет каждую ночь, как сопляк. Вы здесь только для одного. А знаете для чего? Знаете?

Когда мы хором отвечали, Боров презрительно ухмылялся.

– Нет, вы не знаете. Это очевидно. Вы живете только для одного – для вашего императора, для Японии... для своей родины. – Затем он очень спокойно продолжал:

– Полагаю, все вы уже забыли о прошлом. Прошлого нет. Вбейте это себе в голову раз и навсегда. Есть только настоящее. – Тут Боров впадал в экспрессию, начинал яростно жестикулировать. – Забудьте о прошлом! Забудьте о гражданской жизни! Забудьте о своих семьях! Теперь вы живете только ради одной цели. Вы будете готовы умереть по первому же приказу без малейшей попытки уклониться. Никогда, никогда не забывайте, что вы самый расходный материал Японии. Чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас! А вообще... «тайко бинта», биты, другие вещи... все это ничто, вообще ничто. Но такие испытания делают из вас настоящих мужчин, готовят вас к более серьезным нагрузкам. Понимаете теперь? Хорошо! – Боров кивнул Змею и Сакигаве: – Принесите биты!

Многих из нас били уже в бессознательном состоянии, и мы не проронили ни звука.

Каким странным выглядело это наказание! Хотя большинство из нас были очень молоды, среди нас находились несколько новобранцев от сорока пяти до шестидесяти лет. Армия была огромным кипящим котлом, в котором каждый человек терял свою индивидуальность. Все были коротко стрижены, носили одинаковую форму. Пожилой, богатый, авторитет – все это не имело здесь никакого значения. Сержант, который подобострастно кланялся бы некоторым из курсантов в гражданской жизни или который даже не имел бы возможности общаться с ними, являлся тут настоящим тираном и командовал всеми. Он мог безнаказанно пнуть или ударить любого новобранца.

После первой недели, проведенной в Хиро, мы спали как под воздействием наркотиков. Наши тела еще не начали привыкать к наказаниям и изнурительной подготовке. Иногда мы проводили ночи почти в коме. Змей и Сакигава с несколькими своими помощниками врываются в казарму, чтобы устроить свои искусные трюки. Иногда они крепко связывали наши руки и ноги, включали свет и приказывали нам встать. В помутненном состоянии разума мы пытались подняться и, ошеломленные, часто падали на пол. Обычно нам требовалось некоторое время, чтобы понять, что произошло, и сержанты всегда громко гоготали, наблюдая за нашими судорожными усилиями избавиться от пут.

Когда Накамура в первый раз заявил, будто некоторые сержанты были извращенцами, я испугался и не поверил, но потом подумал, что, возможно, он был прав. Хотя, насколько

мне было известно, пока еще ни один из сержантов не проявлял своих гомосексуальных наклонностей, многие из них повергали нас в замешательство самым безобразным образом.

Змей, например, больше других получал удовольствие от унижения молодых новобранцев перед остальными. Те из нас, кто только достиг половой зрелости, страдали больше всех. На построении сержант мог искоса взглянуть на какого-нибудь несчастного, совершившего ту или иную ошибку, и сказать:

– Эй, сопляк, ты, похоже, еще совсем мальчишка, верно? Или ты уже мужик? Ты что, оглох? Я спрашиваю, ты уже мужик?

– Да, господин сержант.

– Ах так! Тогда докажи это, сопляк! Снимай штаны! И повязку свою тоже! Быстро!

И потом несчастный курсант стоял со смущенным лицом, в то время как Змей, иногда Сакигава или даже Боров насмехались и отпускали колкие замечания по поводу его мужского достоинства. Подобные унижения я ненавидел больше, чем физические наказания. Однажды ночью нас троих подняли с кровати и отправили убирать сержантскую казарму, потому что наша дневная работа начальство не удовлетворила. Когда мы закончили, нас заставили раздеться и прыгать под струями ледяной воды. Но и этого Змею показалось мало. Он голыми выгнал нас на холод и заставил пробежать пять раз вокруг казармы, а затем запер в душевой на всю оставшуюся ночь, так и не разрешив одеться.

В течение первого часа мы в темноте сидели на деревянной скамье, прижавшись друг к другу, и дрожали. Через некоторое время мы решили делать физические упражнения. Это был единственный способ не замерзнуть до смерти. Однажды, очнувшись от дремоты, я стал отжиматься, ощущая, как холод бетонного пола распространялся по моим рукам и ногам. Потом я вдруг подумал о душе – вспышка оптимизма! Но она вскоре погасла. Ведь я прекрасно знал, что горячую воду включали лишь днем, и то лишь на некоторое время с определенными интервалами.

Однако в конце концов, больше от безысходности, я подошел к душу и повернул один из кранов. На меня внезапно обрушились холодные струи, и я отскочил назад. Протянув руку, чтобы закрутить кран, я почувствовал, что вода стала теплее. Она явно нагревалась!

Спустя несколько секунд вода стала горячей! От нее даже шел пар! Я быстро перекрыл воду и огляделся по сторонам. Слышали ли шум воды сержанты? Нет, через две двери вряд ли. Да к тому же они давно спали. Я взглянул сквозь полутьму на своих товарищей и увидел лишь их смутные очертания. Скорчившись на скамье, прижавшись друг к другу спинами, они пытались уснуть. Какое-то мгновение я боролся с собой. Если под душем я буду стоять один, горячая вода будет литься дольше. А если мы встанем втроем...

И все-таки через несколько секунд я прошептал:

– Ока! Ямамото! Идите сюда, под душ.

– Горячая вода? – выпалил Ока.

– Тихо!

В одно мгновение оба оказались рядом со мной. Они потирали свои руки, живот, переминались с ноги на ногу и делали наклоны.

– Включай быстрее воду! – простонал Ямамото, стуча зубами.

– Только один кран, – сказал я. – И дам не очень большой напор, а то вся вода стечет, и мы даже не успеем согреться.

Ребята послушно отступили, пока я регулировал душ. Затем мы сгрудились под струями, постанывая, когда вода стала согревать нашу застывшую плоть.

– О, прекрасно. Чудесно! – бормотал я, запрокинув голову. Внезапно меня осенила еще одна идея. – А что, если!.. Как можно заткнуть сливную трубу?

– Сесть на нее, – весело ответил Ока. – Для этого у тебя ведь большая задница.

Я решил, что можно было попытаться заполнить маленькую душевую водой на три-четыре дюйма, не залив остального пола. Вдруг я понял, что нам нужно – туалетная бумага! План сработал превосходно. Я накрыл отверстие сливной трубы слоем бумаги толщиной в полдюйма. Вода постепенно собиралась вокруг нас и просачивалась сквозь туалетную бумагу достаточно быстро, чтобы не затопить соседнюю комнату.

– Почему вы не называете меня гением? – спросил я, усаживаясь в булькающей воде. Через некоторое время душ создал достаточно пара, чтобы согреть воздух вокруг нас. Я растянулся в воде, уровень которой медленно поднимался. Тепло. Каким чудесным оно было! Так посреди холода, тьмы и жестокости мы нашли свой маленький секретный островок.

И в этом тепле я уснул.

Глава 8

Цена суси

Несмотря на постоянные напоминания о том, что мы должны забыть прошлое, через две недели нашим семьям разрешили ненадолго приехать навестить нас. Всего четырнадцать дней минуло с тех пор, как я произнес слова прощания, а казалось, прошла целая вечность. Когда настал час приезда родственников, меня начало трясти. Как давно я их не видел! Сколько всего за это время произошло. Родной дом для меня теперь был словно в тысячах миль отсюда.

Пробило четыре часа. Я ждал в гостевой комнате, где курсантов, словно заключенных, отделяла от их семей специальная перегородка. Я видел, как входили родители ребят, как загорались глаза моих товарищей. Некоторые из них выглядели почти смущенными, нерешительными. Перегородка мешала им проявить более сердечную приветливость и заставляла ограничиваться лишь рукопожатиями.

Прошло полчаса. Мои родственники все еще не приходили. Я начал волноваться. Неужели они не понимали, что у нас был всего лишь один короткий час? Они вообще могли опоздать. С них станется!

Да они вообще могли не прийти. Перепутали день, вот и все. Наверное, я неправильно написал в письме. Я хрустнул пальцами и уставился в пол, затем снова поднял глаза на дверь. На пороге стоял отец в сером костюме. Консервативный цвет его одежды смешивался с нежно-оливковыми оттенками двух легких кимоно, которые виднелись за его спиной. Мама и Томика. Вскоре мы обменялись рукопожатиями, глядя друг другу в глаза. Мама и Томика даже не пытались скрыть свои чувства. Они смотрели на меня, и в их глазах стояли слезы. Я не мог говорить и тоже боролся со слезами. Мне не хотелось проявлять слабость перед отцом, и я закусил губу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.